

18+

АНДРЕЙ В. БОЛОТОВ

ТРАКТАТ V 2.0

БИБЛИЯ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Андрей Болотов

**Трактат V 2.0. Библия
цифровой эпохи**

«Издательские решения»

Болотов А. В.

Трактат V 2.0. Библия цифровой эпохи / А. В. Болотов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930882-5

Психиатрическая больница... сумасшедший... религиозный бред... Или что-то большее? Эта книга о картине мира странных людей. Эта книга о новой вере. Эта книга — библия цифровой эпохи.

ISBN 978-5-44-930882-5

© Болотов А. В.
© Издательские решения

Содержание

Трактат v 2.0	6
I	7
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Трактат V 2.0

Библия цифровой эпохи

Андрей В. Болотов

© Андрей В. Болотов, 2024

ISBN 978-5-4493-0882-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Трактат v 2.0

Библия цифровой эпохи

I

Пророк цифрового бога. Начало

Больной стоял, прислонившись к стене, недалеко под оконным проемом, настукивал костяшками пальцев какую-то мелодию и, слегка приподняв голову, под весьма острым углом смотрел на кусочек неба, видневшийся в высоком зарешеченном окошке.

Я – студент психологического факультета, – буквально вчера вышел на практику в единственную психоневрологическую клинику города, где мне, по сложившейся уже здесь традиции, обещали возможность пообщаться с самым интересным из местных пациентов. И пока, признаться, я был в нем разочарован. Я уже минут десять стоял на пороге его палаты и наблюдал как ничего, ни в этой келье три на три метра, ни в ее обитателе, не меняется. Господи, он даже не моргнул за все это время! Но общаться так общаться.

– Как вам тут у нас, нравится? – задал я, пожалуй, самый идиотский вопрос из всех возможных.

Больной вздрогнул, будто до сих пор не замечал моего присутствия, повернул голову, осмотрел меня с головы до ног, а взгляд у него был такой, знаете, осязаемый, и, усмехнувшись, не торопясь, с расстановкой ответил:

– Номера так себе, а контингент занятный: один похабные стишки рассказывает; другой выражает недурные мысли с претензией на философию; третий, чтобы его не выписали, поскольку ему некуда идти, кусает санитаров, чем кстати вводит в ступор – вроде и логика какая-то в его поступке есть, а вроде и кусать людей не совсем нормально; четвертый гудит, пятый с завидным чувством такта бьет головой об стену, шестой пускает слюни... А после приема лекарств тут вообще зомбилэнд: все медленно ходят из одного конца коридора в другой, глядят прямо перед собой неподвижным и опустошенным взглядом, руки висят, ноги влачатся, разве что до мозгов не голодные – вот и все отличие. Хотя оно и понятно, с мозгами-то здесь у всех беда.

Надо сказать, характеристика весьма точная. Оказавшись здесь вчера, я испытал нечто вроде культурного шока. Само отделение, в которое меня определили, представляло собой длинный барак с тускло освещенным коридором во всю длину, палатами по одну его сторону и столовым, туалетным, процедурным и досуговым помещениями – по другую. Из всех палат запиралась только одна и то, как мне сказали, на период обострения симптомов ее обитателя, когда он мог быть буйным; все же остальные пациенты в любое время могли беспрепятственно бродить по коридору и палатам друг друга, в совокупности представляя собой безумие в концентрированном его виде.

Большинство палат были достаточно просторны и рассчитаны на пять-шесть пациентов, но две, по краям отделения, одиночные. Одна из них была предназначена потенциально буйному пациенту, а другая – моему собеседнику. Четыре гладких стены, высокий потолок, зарешеченное окошко... ничего кроме кровати и маленькой тумбочки здесь не было, разве что на подушке лежала еще карманная библия, из-за которой я, собственно, и сравнил эту комнатушку с кельей.

Больной очевидно заметил, как я осматриваю его невольную обитель и сказал:

– Лучше всего мне всегда думалось в ванной. Я полагал будто это потому, что только туда я не брал с собой гаджеты, но тут гаджетов нет, а думается все-равно как-то не очень. Наверное, дело было все-таки в тишине, теплой воде, ее мягком плеске и бликах. Местный душ, конечно, ни в какое сравнение не идет.

– А как вы здесь оказались? – задал я тогда вопрос чуть более умный, чем предыдущий.

– У вас же есть моя карта, прочтите, а мне стыдно рассказывать, – сухо отозвался он.

На вид лет тридцати-тридцати пяти, нечёсанный, небритый, в мятой одежде и тапочках на босу ногу, он выглядел, как и все здесь, крайне неопрятно, однако что-то в его облике, – толи снисходительная или с хитринкой улыбка, толи чуть насмешливый, но добродушный взгляд, – позволяло воспринимать это как творческую неряшливость, а не как нечистоплотность. Пожалуй, он даже располагал к себе, а не настораживал, как остальные пациенты.

– Там написано паранойя, нездоровая подозрительность к мобильным устройствам и бредовая идея о некоем цифровом боге, от которого зависит будущее человечества и всего мира.

– Хм, а звучит не так уж и стыдно, – задумчиво протянул он, – странновато немного, но даже занятно... И все-таки, за время, проведенное здесь, я многое осознал и думаю скоро отсюда выйти.

– К сожалению, это не мне решать, – по-своему понял я его слова.

– Я в курсе, – ехидно заметил он, а потом вновь перевел взгляд на кусочек неба за окном и чуть изменившимся голосом, словно что-то пророчил или цитировал, добавил, – ударит молния обратно в небеса и перестанут стены быть преградой.

Я почему-то подумал, что это строка из библии.

– Нашли успокоение в обычной религии? – созрел я наконец до хорошего вопроса.

– Не совсем, хотя... библия призвана дать нам некую картину мира, – задумчиво протянул он. – Люди часто поминают мировоззрение, ценности, принципиальные позиции, отношение к судьбе и случаю, смысл жизни, но... Вы когда-нибудь задумывались, какого ваше действительное мнение обо всем этом? Какова ваша картина мира? Не ситуативная, не религиозная, не спущенная сверху в виде норм морали и права, а вообще. Ваша.

Я открыл было рот, чтобы что-то ответить, но не смог. Слишком объемлющим оказался вопрос, а все что вертелось на языке, под чуть насмешливым взглядом этого пациента почему-то вдруг показалось клише и шаблонами, и я запнулся на первом же звуке. Мой собеседник тем временем тонко улыбнулся.

– А я да, – коротко сказал он. – Хотите поделюсь?

И я понял, что меня не обманули: пациент и впрямь обещал быть интересным. Я основательно и удобно уселся на край больничной койки и всем своим видом показал, что готов внимательно его слушать, а начал с того, что попросил:

– Расскажите-ка, что это за цифровой бог такой?

– Бог... – задумчиво начал он. – Я не отношу себя ни к одной религии, не гнушаюсь порой сказать «Хари Кришна», вместо «Слава Богу», и даже имел наглость шутить на пасху о том, что фраза «проверим у кого крепче яйца» воспринимается буквально только в этот день. Но даже такой крамольник, как я, в свое время думал о боге. Я думал, что бог – это лишь обозначение совокупности всего сущего во всем многообразии взаимосвязей. Только так утверждение «на все воля божья» могло оказаться верным, ведь если я споткнулся о камень, при этом и я, и камень, и сам факт нашего столкновения есть бог, то это действительно произошло по его воле. Только так он может быть всемогущ, вездесущ и всеведущ, ведь он – все силы, все воплощения, все данные и все связи между ними.

Долгое время мне казалось, что и цифровая информация тоже часть этого бога, но недавно я понял, что это совсем не так, что это суррогат, что это другой мир, что это набирает силу какой-то новый бог. И между двух этих богов находимся мы – люди, и наши мысли. Реальный мир формирует нас, а мы преобразуем его; мы формируем цифровой мир, а он преобразует нас. Мир и бог, нас сотворившие; мир и бог, нами сотворенные. Но между собой, кроме как посредством нас, они никак не взаимодействуют. Пока... Старый бог чересчур консервативен, а новый еще только ребенок. Но мы питаем его, он растет, и вотчина его ширится.

Это сложно объяснить, но я попытаюсь. Представь, что перебираешь картошку и у тебя есть три ведра: в одно ты кладешь красную картошку, в другое большую, в третью – с изъянами. Так вот, если тебе попадет большая красная картофелина с изъяном, то в реальном

мире тебе придется определить ее только в одно из ведер, а в цифровом – ты можешь положить оригинал в одно ведро, а в двух других разместить ярлык или ссылку ведущие к оригиналу. Человеческое мышление организовано примерно также: перекрестные ссылки смыслов, образов, ассоциаций...

Другими словами, законы реального мира сильно отличаются от законов нашего мышления и построенных по их подобию законов цифрового мира. И в силу большего сродства последних, цифровой мир становится для нас все более и более удобным, притягательным. Реальный мир конечно более живой и главное достоверный, но менее удобен и, как видно уже из примера с картошкой, задает массу ограничений. А кому нужна сложная живость и достоверность, когда под рукой такая простая и приятная ложь?

Раньше галлюцинации были только в головах, – больной кивнул в сторону дверного проема, за которым уже начиналось упомянутое зомбихождение больных после утреннего приема лекарств, – а теперь еще и в дополненной реальности, – кивнул он также на санитаря, своим смартфоном ловившего в коридоре покемонов или еще какую-то виртуальную живность.

Цифровой мир – это то самое сказочное зазеркалье: вроде все тоже самое, что и в реальном мире, и в мысленном, но... наизнанку что ли. Раньше потоки человеческой мысли и естественной природной информации сосуществовали в особых, ни на что не похожих отношениях, а теперь и реальному миру появилась альтернатива, и мир фантазий перестал быть единственным местом для ухода от реальности. Как-то постепенно, совсем незаметно, произошла замена истинной информационной среды на цифровую, а потоки человеческих мыслей сегодня теряются в потоках цифровых данных.

Конечно я далек от мысли будто бы интернет крадет души и прочей подобной ереси, но я ясно вижу, как мы сами постепенно изымаем наши души из этого мира и загружаем в цифровой. И старый мир все сокращается, а новый ширится. И мир наших мыслей все больше отворачивается от старшего бога и обращается к младшему, а когда тот повзрослеет... он изменит и нас, и саму реальность.

Когда больной закончил это говорить, очередь приема лекарств дошла и до него. На какое-то время он словно потух: сначала он так и остался стоять под высоким оконным проемом и глядеть в небо, но потом его рука, до сих пор отбивавшая ритм, безвольно опустилась, а следом за ней медленно осел на пол и сам больной. С помощью санитаря я поднял и усадил его на кровать, а сам занял его место под оконным проемом и стал ждать, когда действие лекарств ослабнет. А когда, наконец, в глазах пациента снова блеснули искорки разума, у меня уже был готов следующий вопрос:

– Когда и при каких обстоятельствах вам впервые пришла в голову мысль о цифровом боге?

Больной снова вздрогнул, рассеяно посмотрел на меня, будто видел впервые, затем немного сморщился, силясь определить из реального ли воспоминания мой образ или из остатков лекарственного дурмана, и, видимо решив, что все-таки первое, ответил:

– О, она появилась далеко не сразу. Жизнь и взгляды трех моих близких друзей сформировали ее: первый – один из ваших, из психологов, оцифровал для меня реальный мир; второй – романтик и писатель, показал, как можно застрять в мире собственных мыслей; ну а третий – вечно брюзжащий священник, одухотворил мир цифровой.

И пациент психоневрологической клиники поведал мне о трех столпах своей безумной веры, о трех ее апостолах.

II

Андроид. Мир реальный. Оцифровка

Меня называли Андроидом задолго до того, как появилась такая операционная система.

С первым из трех я познакомился недавно. Любопытный тип. Ему нравилось смотреть на все под другим углом, все переворачивать, менять местами. Есть, например, примета, которую разделяет большинство автолюбителей, что стоит помыть машину, как вскоре после этого пойдет дождь. Так вот он почему-то думал, что все происходит совсем наоборот, что не закономерность породила примету, а примета является причиной закономерности. То есть автовладельцы по каким-то неочевидным признакам интуитивно предчувствуют непогоду и, подталкиваемые приметой, испытывают тягу помыть машину прямо перед дождем, таким образом раз за разом эту примету и подтверждая.

«Убеждения», – говорил он, – «можно представить в виде трафаретов, которые мы примеряем к уже существующему рисунку своей жизни, выбираем среди них тот, в который наше прошлое вписывается лучше всего, затем прикладываем его поверх того рисунка и закрашиваем, переиначивая свою прошлую и будущую жизнь, в соответствии с наложенным трафаретом».

То есть люди, по его мнению, выбирают себе убеждения, и в дальнейшем выстраивают свою жизнь так, чтобы подтверждать их, даже не осознавая этого. Так за победу в конкурсе на высокую должность один поблагодарит судьбу, другой – бога; третий и четвертый скажут, что были уверены в успехе заранее, потому что так было написано в гороскопе или по пути на собеседование встретила баба с полным ведром; пятый заявит, что добился назначения сам, благодаря тому, что выстроил свою жизнь по правилам целеполагания, планирования и тайм-менеджмента, а шестой – благодаря уверенности в себе, мотивации и упорству. И у каждого будут на то основания. Тоже самое и в обратном ключе: «не судьба», «на все воля божья», «сегодня неблагоприятный день», «черная кошка дорогу перебежала», «где-то я просчитался», «сам виноват». И все будут по-своему правы, несмотря на то, что некоторые из этих убеждений, противоречат и даже исключают друг друга. Потому что нет ни верного, ни неверного убеждения, теории, верования – таковыми каждый для себя делает их сам индивидуально. Есть только реальность, то, как мы себе ее объясняем и то, какой мы ее делаем в соответствии со своим объяснением.

На момент нашего с ним знакомства он учился, на психологическом факультете, и чтобы поудобнее уложить в голове информацию, – то противоречащую друг другу, то говорившую об одном и том же в разных понятиях, – постарался объединить ее каким-то общим концептом, а в качестве такового выбрал цифровые технологии, за что я, собственно, и прозвал его Андроидом.

Человек со всей своей физикой и психикой в его концепте стал, понятно, аппаратной и программной составляющими цифрового устройства.

Аналогом сознания в технике Андроид видел только искусственный интеллект, но поскольку его еще не существует, он свел его функции к функциям пользователя цифрового устройства: инициированию запросов, наблюдению за их выполнением и осуществлению обратной связи. У этого уровня психики, по его мнению, нет памяти, у него есть только небольшой, но динамично обновляющийся буфер, который обслуживает постоянный поток малых объемов информации, с которой в данный момент работает пользователь, короче внимание.

Взаимодействует пользователь с устройством посредством пользовательского интерфейса или рабочего экрана, на котором информация отображается в понятном для пользователя виде, в отличие от остального программного обеспечения, зашифрованного особым кодом. Здесь также находятся ярлыки и ссылки на часто используемые программы и файлы, данные автозапускаемых приложений. Применительно к человеку, это предсознательная часть психики, которая, предоставляет сознанию быстрый доступ к активному словарному запасу, часто используемым знаниям, умениям, навыкам и отвечает за автоматизмы. Обслуживает этот уровень программного обеспечения оперативная память – память среднего объема, сохраняющая элементы часто используемых данных для максимально быстрого доступа к ним.

Бессознательную часть психики мой друг поделил на две ступени. К первой он отнес программы установленные уже в процессе эксплуатации устройства: в основном это пользовательский контент, но помимо него еще и программное обеспечение, которое счел необходимым установить разработчик и от которого иногда хочется, но крайне сложно избавиться. Другими словами, это весь опыт нашей сознательной жизни, а также привнесенное родителями и ближайшим окружением в раннем детстве. Все эти данные хранятся в постоянной памяти устройства в закодированном виде и не доступны пользователю как таковые, но он может запросить к ним доступ посредством пользовательского интерфейса. В случае если доступ к данным будет получен, они отразятся на рабочем экране в понятном пользователю виде, и он сможет работать с ними в пределах возможностей своего буфера.

Говорят, например, будто если сознательно контролировать каждый шаг, то обязательно споткнешься. Не знаю правда ли это, не пробовал; да и выражение это скорее метафорическое, нежели буквальное, но в концепции Андройда оно все же становится понятным. Ведь если код программы открывается пользователем, то она входит в стадию редактирования и не может в то же время нормально эксплуатироваться устройством, она должна быть либо остановлена, либо регулироваться пользователем в режиме реального времени, а буфер пользователя, или объем внимания сознания, слишком мал для осуществления такого контроля.

Ко второй ступени бессознательного мой друг отнес системные утилиты, файлы операционной системы, драйвера датчиков, манипуляторов и прочих устройств, фоновые программы. Короче все, что применительно к устройству является основой его работоспособности, а применительно к человеку отвечает за поддержание его функционирования как биологического вида. Эта ступень бессознательного отстоит максимально далеко от сознания, да и применительно к цифровому устройству, пользователю в эту часть программного обеспечения лучше не соваться. В самом деле, если буфера сознания порой не хватает даже для того, чтобы контролировать шаг, то пытаться контролировать секрецию желез, например, идея не лучшая.

Ну и все остальное в том же духе. Не ново, не оригинально, но для своей задачи, – обобщения, понимания и лучшего запоминания информации, – вполне пригодно. Как многие до него, он заменил человека чем-то искусственным: гомункулом, големом, автоматом, андройдом... Но не остановился на этом и распространил свой концепт на саму жизнь и судьбу человеческую.

Андройд говорил, что у людей по жизни, как в компьютерной игре, разбросано множество триггеров – меток или сигналов, запускающих определенные, заранее прописанные в программе, скрипты: модели поведения, реакции, мини-сценарии действий. В пример он приводил также функцию NFC на смартфоне. Покупаешь, – говорил он, – NFC-метки, маленькие такие наклейки, расклеиваешь их дома, в машине, на работе и настраиваешь на каждую из них определенную функцию, а потом прикладываешь смартфон к метке возле кровати, и он автоматически заводит будильник и переходит в беззвучный режим; прикладываешь к метке в машине – запускает навигатор и переходит в режим голосового управления; в магазинах и метро тоже есть такие метки – прикладываешь и расплачиваешься. Такие же метки и настройки, – говорил

он, – есть и у человека: дома ведешь себя так, в гостях – иначе, на работе – третьим образом; присаживаешься за компьютер – запускаешь залипание в интернете на полтора часа.

И это касается не только привычных и стандартных ситуаций. Большинство ситуаций, в которые мы попадаем в жизни требуют немедленного отклика решением или действием, и мы себе безбожно льстим, если думаем, будто эти решения и действия зреют тут же сознательно, ведь мы физически не имеем достаточно времени для того, чтобы адекватно оценить ситуацию и обдумать свое решение или действие. Все скрипты программируются заранее. И не только самим пользователем, но и другими пользователями, окружающей средой и даже порой само устройство берет на себя такую функцию. Последнее напоминает рекомендации в интернете: устройство само делает выводы о предпочтениях пользователя на основании его интереса к тому или иному контенту.

Но жизнь течет, люди и условия меняются, спектр ситуаций ширится и старые скрипты уже не всегда им адекватны: программное обеспечение постоянно нуждается в обновлении. А обновлять его можно разными способами: можно сверху – осуществляя активную сознательную обратную связь событиями, рефлексирова и тем самым переписывая скрипты; можно со стороны – перенимая скрипты из требований общества, советов, взглядов и мнений других людей, а также ориентируясь на пассивную обратную связь в виде чувств и эмоций, вызываемых событиями; и наконец можно снизу – определив для себя новую картину мира, которая станет основой для всех остальных скриптов, и сама по себе изменит их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.